

«СНИМ В РОДСТВЕ ДЕРЕВЬЯ И ТРАВА»

Николай Васильевич Усенко — заслуженный лесовод РСФСР, почетный член Всероссийского общества охраны природы, действительный член Географического общества СССР, почетный гражданин города Вяземского. Имя Н. В. Усенко присвоено Вяземскому лесохозяйственному техникуму, на здании установлена мемориальная доска. Его имя носит Вяземский районный краеведческий музей.

Зеленые жители лесов наших живут не только в очень нужных ученых томах Николая Васильевича: он рассказывает о них так поэтично, словно они — земляки наши таежные. Однажды он смущенно признался, что пишет стихи и для детей о наших цветах и травах, чтобы при встрече человек с детства узнавал их, умел общаться с лесным народом. Коротко, прозаически точно, поэтически возвышенно дарит Усенко знания юным дальневосточникам. Вот, скажем, открывающее книжку «Травы мои Приамурские» стихотворение:

*Лишь только забрезжит весенний рассвет,
Проталины рыжие вытаит солнце,
И тут же адонис — цветок горчицвет —
На них распахнет золотые оконца.*

Очень хочется, чтобы благодарная память о Николае Васильевиче Усенко сохранилась. В его жизни, в его походке, его душе была полетность. А душа его живет в ауре земли нашей удивительной. И помочь увидеть за именем Человека помогут воспоминания его дочери Людмилы Николаевны Усенко, учителя физики, ветерана труда.

Людмила МИЛАНИЧ

Людмила УСЕНКО

Всегда со мной

ВХабаровске в 1922 году был открыт педагогический техникум. «Бывшая Учительская семинария была преобразована в техникум. Поместили его в здании бывшего реального училища», — пишет в своих воспоминаниях выпускница педтехникума Людмила Цымбал.

Весть об открытии нового техникума быстро облетела выпускников вяземских школ. И многие девушки устремились туда. С ними были два парня, оба Николаи, один из них сын телеграфиста Усенко. Благодаря отличным оценкам в «Свидетель-

стве об окончании IV класса школы II ступени при ст. Вяземская» Н. Усенко был принят сразу на четвертый, предпоследний курс.

На два года трехэтажное, из красного кирпича, здание в центре Хабаровска стало для него вторым родным домом. Теперь это — всем знакомое, с надстроенным четвертым этажом, здание на площади им. Ленина. В бытность педтехникума здесь места в здании хватало и на учебные классы, и на жилые комнаты для учащихся, и на бытовые помещения. В отдельном боковом подъезде со входом со двора были преподавательские квартиры.

На примыкающей к зданию техникума части территории нынешнего парка «Динамо» располагались хозяйственные постройки, огород и сад педтехникума. Все работы по саду и огороду выполняли учащиеся. Первоначально сто двадцать человек вступили в первую в Хабаровске трудовую коммуну. У каждого была членская книжка, в которой фиксировались виды и продолжительность выполненной работы.

Приведу отрывки из воспоминаний Зинаиды Седовой, поступившей в техникум в 1923 году:

«...Стипендию перечисляли в государственную торговую организацию за хлеб, соль, крупу. Остальные средства на жизнь создавали сами. На территории педтехникума было пахотное поле в 10 га. Мы держали своих лошадей, коров, птицу. Сеяли овес, ячмень, гречиху. Урожай с поля — овощи и картофель — шли в столовую коммунаров.

...Большим событием было приобретение трактора.

...Для орошения поля соорудили плотину. Была у нас и своя пасека.

...Не было у нас в техникуме ни одной уборщицы, посудницы. Только повариха.

Дежурили по кухне с вечера — к утру нужно было начистить два бака картошки.

...Бедновато, конечно, мы жили. Один платяной шкаф на две комнаты коммунарок. В нем пять блузок и платья. Не успел вовремя надеть блузку — ее уже нет: кто-то ушел на кружок, на репетицию или свидание».

...Вот что вспоминает Федор Ласун, председатель совета трудкоммун: «Ведь что такое наша коммунарская дружба? Это одни выходные брюки на четыре-пять человек. А толстовка Коли Ткачика! Какую службу она сослужила! В ней ходили статистами в драмтеатр, в ней фотографировались, присутствовали на торжественных заседаниях».

Далее читаем у Зинаиды Седовой: «Под руководством преподавателя Степана Павловича Кавузе мы ставили спектакли, оперы, у нас был свой духовой оркестр. Деньги, добытые спектаклем, шли в кассу коммуны, и совет решал, кого одеть, кому помочь в первую очередь».

Студент Николай Усенко в годы учебы в техникуме снискал славу известного артиста. Его членская книжка пестрит записями о репетициях и участии в спектаклях драмкружка. В аттестате об окончании техникума среди изучаемых дополнительно предметов значится драматическое искусство.

Помимо учебы, трудовой практики в коммуне и дополнительных занятий по интересам, учащиеся техникума за годы учебы должны были «исправлять» воспитанников подшефного приюта для беспризорных (впоследствии детского дома, который располагается и поныне на углу улиц им. Ленина и Запарина). Видимо, опыт подспудного воспитания своих младших братишек и сестренки помог Николаю за два года учебы преуспеть. Четверо (!) его подшефных, как говорится, встали на верный путь, стали хорошо учиться, не имея замечаний по поведению.

Вместе с аттестатом выпускнику Усенко вручили постановление педсовета «О командировании в Пед. ВУЗ окончившего в 1923–1924 учебном году Педтехникум т. Усенко Н. В.». Это постановление — единственная путевка в вуз, выделенная

Дальневосточным отделом народного образования коллективу педтехникума в 1924 году. В прилагавшейся характеристике читаю: «Усенко Николай обладает хорошим интеллектуальным развитием. Хорошо знаком со сценическим искусством...»

Дед был горд за сына-выпускника педтехникума. Его аттестат, с солидной сургучной печатью на углу фотокарточки, ласкал взгляд следующим вердиктом: «На основании существующих законоположений по Народному Комиссариату Просвещения, определяющих права и обязанности Педагогических Техникумов, Педагогический Совет присуждает гр. Усенко Н. В. право преподавателя «Единой трудовой школы первой ступени».

Да еще, как елей на душу, слова заключительной фразы из характеристики «... Может быть Заведующим Школой».

В двадцатые годы прошлого века ГДУ (Государственный Дальневосточный Университет, превратившийся ныне в Дальневосточный Федеральный университет) размещался в главном здании «со львами» на ул. Пушкинской во Владивостоке. Здесь нашего абитуриента ожидал сюрприз. Стоя у стенда с расписанием, взглядом пробегаая названия институтов (факультетов), Николай «споткнулся» о «Лесной» (точнее, лесохозяйственный). Сердце екнуло: лес — его стихия с детских лет. Документы, в соответствии с направлением, подал на педфак. Но, добившись согласия декана проф. Половинкина, уговорил-таки декана лесного факультета проф. Савича перевести его на свой факультет.

В итоге всю трудовую жизнь Н. В. Усенко сочетал педагогику с лесоводством.

Вернемся в ГДУ 1924 года, где мы «расстались» с абитуриентом Николаем Усенко.

Жить начинающему студенту пришлось в съемном жилье. С запиской от отца Николай обратился к земляку-переселенцу с Украины, обосновавшемуся на Первой речке. Как вспоминал папа, на трамвайный билет не всегда хватало. Из-за пеших переходов до университета приходилось часто ремонтировать подошву, которая быстро истиралась о каменистую дорогу. Решить проблему с жильем помог счастливый случай: Николай наткнулся на дружественное объявление-приглашение жить вместе. Он вспоминает: «И вдруг однажды увидел объявление, подкупившее меня какой-то особой простотой и стилем изложения. «Слушай, друг! Если ты бездомный, приходи после лекций. Посмотришь мое жилье. Хоромы не ахти, но жить можно. Я обитаю один, а комната на двоих. Понравится — будем жить на пару». И подпись — «Вяча Афанасьев».

В тот же день под вечер отправился по указанному адресу. Двухэтажный деревянный дом, подобно орлиному гнезду, прилепился на каменном горном склоне, обращенном к югу, бухте Золотой Рог. Подумалось: вид-то из окна, вероятно, чудесный.

Но комната, в которой сдавался угол, показалась совсем неприветливой. Обшарпанные стены, истертый, давно не крашенный пол, убогая мебель. Видавший виды стол, пара табуреток да две железные солдатские кровати, одна из которых покрыта изрядно изношенным армейским одеялом, а другая красовалась голыми досками.

Из-за стола поднялся и подошел ко мне, подавая руку, невысокий коренастый парень с улыбочивым округлым лицом, с копной вихрастых темных волос на крупной голове.

— Здорово! Видать, бездомна-а-й, — приветливо улыбаясь, проговорил он, нараспев произнося «а».

— Да, хотел бы поселиться поближе к университету.

— Тут, брат, благодать! С горы сбежишь мигом, смотришь, уже аудитории.

— Согласен, — сказал я.

— Ну и хорошо. А ты с какого факультета и как зовешься-то? Я-то сам Вяча, Вячеслав значит, Афанасьев. С восточного факультета я. Решил, знаешь, одолеть

уйму иероглифов и стать востоковедом. Видишь, сколько покрыл бумаги этими закорючками, — и показал рукой на стопку, и так заразительно рассмеялся, что окончательно расположил меня к себе.

— А я учусь на лесном. Буду лесоводом.

— Вот и хорошо. Я тебе про Восток, а ты мне про тайгу будешь рассказывать. Ты-то сам, видать, будешь дальневосточник. А я, брат, дальний. Я тамбовской. Окончил там рабфак да и решил использовать право ехать бесплатно в любой вуз страны. Вот и махнул на край света, во Владивосток.

Мы быстро подружились с ним, много рассказывали друг другу о своем. И Тамбовщина и Дальний Восток так непохожи между собой. Вяча упорно грыз гранит науки, усидчиво и терпеливо зубрил свои иероглифы, старательно произносил их вслух. Но постепенно я стал замечать, что на нашем общем столе среди учебных записей стали все чаще появляться то обрывки бумаги, то целые тетрадные страницы, исписанные какими-то стихотворными строками. Присмотрелся как-то и вижу:

*Вот безземельный мужичок
Поднялся на помещика...*

А то из рифмованных строчек послышался вдруг протестующий голос дореволюционных портовых грузчиков против непосильного труда.

А то вдруг от испещренного убористым почерком клочка бумаги повеет прохладой лесного уголка. Не утерпел я, спросил:

— Зачем это ты, Вяча, отвлекаешься от зубрежки иероглифов и тратишь время на эти клочки бумаги?

— Да, понимаешь, лезут в голову разные мысли, то про родные тамбовские края, а то вот про то, что увидел здесь в Приморье, и подмывает меня написать обо всем этом красиво, стихами, чтоб на песню было похоже. Скажу тебе откровенно, вчера набрался духа и отнес первое свое стихотворение в редакцию «Красного знамени». Сказали, вроде напечатают. Скажи, а ты заметил, что прошлую ночь я почти не спал. Волчком вертелся на кровати, волнуясь. Как на иголках чувствую себя. Напечатают? Стоящее я написал стихотворение?

И стихотворение напечатали. Я прочел его и пожал руку Вяче.

Только не знал я, не думал тогда, что на моих глазах рождается талант. Что мне довелось быть у колыбели поэта — Вячеслава Николаевича Афанасьева.

Первые три курса у студента пролетели быстро. Учиться было интересно. Лесные науки преподавали профессора Б. А. Ивашкевич, А. Д. Строгий, В. Ф. Овсянников, В. М. Савич. С большим уважением и благодарностью всегда вспоминал мой отец своих учителей. С детства помню висевшие рядом с книжным шкафом две фотографии его вузовских времен. В деревянных темно-коричневых рамках, наклеенные на паспарту: снимок профессорско-преподавательского состава лесфака и второй, традиционный, — выпуск лесфака 1924–1930 годов. Курс выпускался в июле 1929 года. Но, уважительно отнесясь к однокурсникам, по разным причинам отставшим с защитой диплома, на фото поместили портреты всех однокурсников. Был среди них и портрет выпускника Н. В. Усенко, диплом которому был вручен 29 января 1930 года. Дело в том, что, когда заболел дед Василий Алексеевич, как пишет мой отец в автобиографии, он «...работать на производстве начал, еще будучи студентом ДВГУ, совмещая два последних года учебы с работой в Приморском лесоустройстве в качестве топографа, а затем — лесным таксатором». Прикованный к постели отец одобрил решение сына о непременно окончании учебы в университете. Начав работать, на Вяземскую в родительский дом Николай постоянно отправлял денежные переводы.

Особое место в университетской жизни моего отца занимает личность Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Жизнь студентов университета не ограничивалась учебой. Бурная деятельность разворачивалась по линии комсомольской и профсоюзной организаций. По архивным документам, а также вспоминая некоторые рассказы отца о студенческой жизни, представляю его, высокого, стройного красивого юношу и членом лесного кружка, и университетского клуба им. Воровского, и участником драмкружка (как и в Хабаровском педтехникуме), и членом Общества помощи жертвам революции (интересно, что одна из квитанций об оплате взносов подписана большевичкой Еленой Стасовой), и активным членом профсоюза. В студенческом профкоме Николаю Усенко, как обладателю каллиграфического почерка, в качестве подработки предложили должность технического секретаря учебно-плановой комиссии университета. На ее заседаниях рассматривались вопросы планирования и организации учебной работы, в том числе и выборы профессорско-преподавательского состава, заведующих кафедрами и т. п.

В течение жизни Николай Васильевич часто вспоминал об одном из бурных заседаний учебно-плановой комиссии. Речь на нем шла об утверждении В. К. Арсеньева на должность преподавателя университета. Вот что писал сам Н. В. Усенко в заметке «На кафедре — В. К. Арсеньев», опубликованной к столетию со дня рождения В. К. Арсеньева в газете «Тихоокеанская звезда»:

«Шел 1925 год. В стенах Дальневосточного государственного университета во Владивостоке бурлила новая жизнь. Старейший и единственный на Дальнем Востоке вуз вступил в третий год новой советской жизни.

В тот год меня рекомендовали на должность секретаря учебно-плановой комиссии. Присутствуя на заседании комиссии и фиксируя в протоколах все происходящее на них, я был, естественно, в курсе событий учебной жизни университета.

Вспоминается одно бурное заседание. По сторонам огромного стола, покрытого зеленой суконной скатертью, сидели возбужденные, расколовшиеся на два лагеря члены комиссии. Председатель — проректор университета, профессор математики Агрономов, с трудом сдерживая не в меру разгоревшиеся страсти ораторов, то и дело кивал в мою сторону, напоминая о необходимости полнее и точнее записывать все высказывания и мнения.

Спор между участниками заседания разгорелся при обсуждении вопроса об утверждении Владимира Клавдиевича Арсеньева в должности преподавателя университета по курсу этнографии народов Дальнего Востока. Сам Арсеньев на заседании не присутствовал. Он находился в одной из экспедиций.

Ярыми противниками Арсеньева были закоренелые реакционеры, враги всего нового в жизни советской высшей школы — профессор химии Дорман и доцент физик Редлих. Они доказывали невозможность допуска на университетскую кафедру «простого солдата», не имеющего ни ученых степеней, ни званий.

Но подавляющая часть членов комиссии горячо настаивала на приглашении в университет знаменитого к тому времени исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева. Страстно выступили в его защиту профессор лесоустройства Ивашкевич, профессор ботаники Савич, профессор географии Половинкин, профессор дендрологии Овсянников и другие. Но особенно запоминающуюся отповедь оппонентам дал профессор лесоводства Строгий.

— Кто из нас не горд сознанием того, что был честным русским солдатом? Кто сможет опровергнуть факт, что Арсеньев — лучший современный географ и этнограф Дальнего Востока? — горячо закончил свою речь известный профессор.

Вскоре весь университет облетела весть: Арсеньев — преподаватель университета. Он возвратился из очередной экспедиции и будет читать первую лекцию в тридцать первой аудитории!

Будущие педагоги, агрономы, лесоводы, горняки, механики, строители, востоковеды — студенты всех факультетов — битком наполнили не только просторную аудиторию, но и коридоры и лестницы, жадно слушаая рассказ прославленного ученого-путешественника Арсеньева о малых народах Дальнего Востока, спасенных советской властью от полного вымирания, пробужденных к новой светлой жизни.

Более полувека прошло с тех пор. И я уверен, что все, кому выпало счастье слушать Владимира Клавдиевича, будут живо помнить яркие и содержательные лекции этого замечательного ученого и педагога».

Об уроке, преподнесенном студентам лесного кружка В. К. Арсеньевым в далеком студенческом прошлом, Николай Васильевич вспомнил в одной из своих книг («Бархатная» газета), глава из книги «Тропинка в лес»):

«...Задумали студенты лесного факультета организовать в университете свой лесной музей. Собрали немало экспонатов. Тут были и сушеные плоды различных растений, и лианы исполинского кишмиша — аргуны, и лозы винограда. В рамке на атласном лоскуте красовался чудодейственный женьшень. Но на самом видном месте было выставлено несколько «бархатных газет». Они были гордостью музея лесников. Еще бы! Ведь это так оригинально: живя летом в тайге, выпускать стенную газету и писать ее не на бумаге, а на ярко-желтом лубе бархатной коры! Как четко и красиво ложатся на нем лиловые строчки химического карандаша! А добывать такую «бумагу» летом совсем нетрудно: кора бархата в период сокодвижения легко снимается пластами до самой древесины. Вот такие газеты и были доставлены студентами из тайги во Владивосток.

И вот настал час открытия музея. В числе приглашенных пришел В. К. Арсеньев. Он любовно перелистал гербарий, задержался у потертой карты, похвалил искусно набитые чучела пернатых, с улыбкой посмотрел на выдавший виды таежный костюм студента и на закопченную консервную банку, честно послужившую кому-то походным котелком.

Но вот увидел исписанные пласты бархатной коры и сразу как-то помрачнел. Нахмурил брови, в серо-голубых его глазах сверкнуло раздражение.

Резко шагнув к газетам и глядя на студентов, Арсеньев с жаром произнес:

— Да как же вам не стыдно? Ведь вы ободрали кору вместе с лубом! Сколько же теперь погибших бархатов маячит в лесу памятниками вашего невежества?

— Но, Владимир Клавдиевич, — пытался оправдаться кто-то, — в тайге ведь с бумагой бывает скуповато... Да и очень уж оригинально...

— Оригинально!.. Не надо оправдываться! И не стройте из себя дикарей: с бумагой скуповато! Поймите — это настоящее варварство, особенно непростительное для вас, студентов. Ведь, чтобы вырасти таким деревьям, нужны десятки и сотни лет, а вы погубили их в один миг...

Смущенные, сгорая от стыда за свою оплошность, стояли изобретатели «бархатной» газеты.

Крепко досталось нам тогда от знаменитого исследователя Дальнего Востока...»

При каждом удобном случае отец старался увековечить память об В. К. Арсеньеве в Хабаровске. Он ратовал за установку памятника Арсеньеву в городе, за сохранение домов, в которых квартировал Арсеньев во время работы директором краеведческого музея. В июне 1979 года выступил с призывом защитить ясень, посаженный в 1911 году Владимиром Клавдиевичем и его братом Александром на углу улиц Муравьева-Амурского и Шеронова. Многолетняя борьба за жизнь памятного дерева увенчалась присвоением ему в 2014 года почетного статуса Дерева — памятника живой природы всероссийского значения.

Хабаровский скульптор Владимир Филиппович Бабуров создал макет памятника В. К. Арсеньеву и совместно с инициативной группой в составе заслуженного

металлурга РСФСР Анатолия Павловича Яскевича, экс-депутата Хабаровской краевой думы Александра Михайловича Фокина и Людмилы Николаевны Усенко, к сожалению, не смогли подвигнуть ни городские власти, ни местных предпринимателей на финансирование проекта.

Память о замечательном исследователе Дальнего Востока В. К. Арсеньеве, навсегда запечатленная в сердцах людей, его знавших, уходит вместе с ними...

До какой степени личность кумира студенчества двадцатых годов прошлого века воздействовала на его последователей, видно из записки, оставленной моим отцом незадолго до смерти. Его пораженная болезнью рука с трудом переносила на бумагу итоговые мысли о собственной жизни, прошедшей под знаком благодарности Учителю:

«По продолжительному и неизменному роду занятий в своей долгой жизни, по склонности характера и личным увлечениям я, похоже, примкнул к природолюбам, закоренелым биологам. К сторонникам необходимости вести широкую и упорную экологическую борьбу за сохранение природы и здоровой среды обитания человека.

На формировании такого характера и подобных взглядов сказались, видимо давние, слышанные еще в двадцатых годах на университетских лекциях Владимира Клавдиевича Арсеньева его незабываемые наказы и советы. Его предупреждения: «Лесные пожары опустошают зеленое море тайги; безмерная рубка лесов приводит к губельным наводнениям и эрозии почв; уничтожение береговых полос — смерть рыбных запасов; бездумное управление природой ведет к гибели и ее, и условий обитания ее «царя»-человека» — глубоко запали в души студентов, многие из которых по совету Владимира Клавдиевича испытали впоследствии свои силы на литературном поприще, описывая природу, леса и их богатства.

Мне тоже довелось в период с 1950 по 1984 годы с помощью редакционного коллектива Хабаровского книжного издательства опубликовать девять книг и брошюр.

Более чем за полувековой период работы в лесном хозяйстве по изучению и охране природы я, естественно, привык, сдружился и пристрастился к соответствующей литературе — природоведческой, краеведческой, экологической. Этой долгой дружбе с подобной литературой не могли не способствовать также личные встречи и слушание университетских лекций Владимира Клавдиевича Арсеньева еще в далекие двадцатые годы.

И сейчас, отвечая на вопрос, какие новые книги хотелось бы видеть выходящими в свет, я мог бы ответить: хотелось бы в перспективе видеть больше хороших, умных книг о богатстве нашей природы, о хозяйском ее использовании, о воспитании читателей всех видов и рангов в вопросах экологии. Знание ее необходимо не только детворе и молодежи, вступающим в жизнь, но и руководящим работникам, нередко приносящим своим «руководством» непоправимый ущерб условиям обитания человека».

Именно так жил всегда отец: свои убеждения, любовь к родной природе он доказывал делом.

В 1947 году заочно окончил пчеловодные курсы при НИИ пчеловодства Наркомзема РСФСР, получив диплом с отличием. Приобретенные знания и собственный опыт, совместно с профессиональной подготовкой, позволили ему написать книгу, высоко оцененную причастными к пчеловодству людьми. Это — «Медоносные растения Хабаровского края и их использование», которая в 1956 году была издана Хабаровским книжным издательством. Это была уже вторая книга молодого автора. Первая, «Плодовые и ягодные растения лесов Дальнего Востока», была издана еще в 1953 году там же.

В газетах часто появлялись его живые, красочные заметки о богатствах и красотах родной природы. Его заметки об уникальных дальневосточных дикоросах

в газетах, в том числе центральных «Лесная промышленность», «Советская Россия», «Правда») вызывали поток писем читателей с просьбой выслать их семена и черенки. По скольким адресам СССР Николай Васильевич рассылал письма со склеенными самолично пакетиками семян и бандероли с черенками лимонника, актинидии, багульника (в те времена услуги почты были необременительны). В 1965 году на основе этих публикаций была создана и издана увлекательная для любителей природы всех возрастов книга «Картинки родной природы».

Не оставляя научную работу, отец продолжал публиковать в специальной литературе материалы, накопившиеся за тридцать пять лет работы в лесном хозяйстве. На основе серии публикаций (Лиственница. Кедр корейский. Кедровый стланик. Ель. Пихта. Тис. Можжевельник — статьи в «Дальневосточном леснике», 1957–1958 гг.; Орехоносные растения Хабаровского края — изд. Хабаровского института усовершенствования учителей, вып. 6, 1957 г., и других), удовлетворяющих насущные запросы специалистов и краеведов, по заказу ДальНИИЛХа краевым книжным издательством в 1966 году была издана его книга-монография «Хвойные деревья и кустарники Дальнего Востока». По оценке ученых-специалистов лесного хозяйства, она давала право для присвоения автору ученой степени. Ученой степени он не был удостоен ввиду «невыполненного требования о сдаче кандидатского минимума». В свои шестьдесят лет, являясь официально пенсионером, не стал Николай Васильевич время тратить — ему еще было чем заняться.

В статусе пенсионера, имея право работать всего два месяца в год, он с удовольствием использовал это время для работы с заочниками (рецензирование контрольных работ, обзорные лекции и прочее).

Больше времени оставалось для завершения его большой многолетней работы. Ее итогом стала книга «Деревья, кустарники и лианы Дальнего Востока». Сотрудничая с институтом усовершенствования учителей, отец познакомился со многими учителями биологии края. Биологи школ, расположенных в национальных селах, помогли создать уникальную таблицу названий растений на разных языках. Помимо русского, названия деревьев и кустарников приведены на языках коренных народов Приамурья и Приморья: нанайском, ульчском, нивхском, орочком и удгейском. Эта справочная книга имела огромный успех и быстро разошлась. В более компактном варианте в 1984 году состоялось ее второе, переработанное и дополненное, издание. В рецензии Е. С. Зархиной на эту книгу читаем: «Землякам дальневосточникам — лесоводам, учителям и краеведам — посвящаю». Таким посвящением открывается эта девятая книга замечательного знатока дальневосточных лесов — ученого, писателя, педагога, заслуженного лесовода РСФСР, действительного члена Географического общества СССР Николая Васильевича Усенко.

Не одно поколение дальневосточных природоведов приходило в лес с книгами-путеводителями Н. В. Усенко: «Тропинка в лес», «Картинки родной природы», «Дары уссурийской тайги»... Поэтичность и простота, доверительность разговора с читателем, горячая увлеченность и научная скрупулезность, любовь к родному краю и гражданская ответственность за него — эти качества снискали Николаю Васильевичу глубокое уважение и признательность земляков и неизменно привлекают к нему молодежь.

В своей книге «Звезда в траве» Елена Соломоновна Зархина одну из глав посвятила моему отцу, назвав ее «Дриады Николая Усенко».

Упомянутые книги были изданы: «Тропинка в лес» — в 1971 году, «Дары уссурийской тайги» — в 1975 и повторно в 1979 году...

За серию книг по дендрологии и лесоводству Н. В. Усенко награжден «Дипломом первой степени лауреата республиканской выставки — смотра учебно-наглядных пособий УНП-76 техникумов Министерства лесного хозяйства РСФСР».

Награждалось и Хабаровское книжное издательство за выпуск его книг. В частности, за «Тропинку в лес» издательство поощрено как участник Всероссийского конкурса искусства книги (Москва, 1972).

В третьем издании БСЭ книга Н. В. Усенко «Деревья, кустарники и лианы Дальнего Востока» указывается в качестве дополнительной литературы при описании некоторых дальневосточных древесных пород (маакии амурской, маньчжурского ореха, «чертова дерева» — аралии маньчжурской).

Продлить жизнь отцовских книг мне не удалось бы без рекомендации, поддержки и помощи, в том числе и материальной, замечательных людей. Я познакомилась с одаренными творчески, эрудированными, интеллигентными энтузиастами и мастерами своего Дела — коллективом издательского дома «Приамурские ведомости». Генеральный директор писатель Валерий Витальевич Смирнов, художники Александр Никитович Посохов и Анатолий Васильевич Колесов, редакторы Эмма Андреевна Кандава и Елена Михайловна Никитина, корректоры и другие специалисты, водитель Олег Петрович — безмерно благодарна вам за счастье увидеть вновь рожденные «Тропинку в лес», «Дары уссурийской тайги», «Деревья, кустарники и лианы Дальнего Востока» и новорожденные «Травы мои приамурские». Эти изумительно оформленные, великолепно изданные папины книги — радость не только для нас, потомков, но и для его учеников и просто любителей природы.

За переиздание «Приамурскими ведомостями» папиных книг издательству присуждались дипломы Дальневосточной выставки-ярмарки: в 2009 году за «Деревья, кустарники и лианы Дальнего Востока» и в 2011 году за «Дары уссурийской тайги».

В 2007 году под редакцией члена Союза писателей России Людмилы Ивановны Миланчик увидели свет папины стихотворные опыты для детей: вышла в свет книжка «Травы мои приамурские», интересная и познавательная не только для ребятшек, но и для их родителей. Комментарии к ней, как и для трех названных, вновь изданных книг отца, сделала доктор биологических наук Светлана Дмитриевна Шлотгауэр. Она же была научным консультантом.

Не состоялось бы наше содружество со всеми, кому я безмерно благодарна и кого выше назвала, без финансовой поддержки Министерства природных ресурсов Хабаровского края. Не случилось этой поддержки лишь на проект для школьников, запущенный одновременно с «Травами» под названием «Календарь родной природы». В нем даны тексты по месяцам из «Даров природы» и таблицы для ежедневных записей параметров погоды. Пришлось издавать на собственные средства, причем львиную долю тиража отдать Центру экологического воспитания школьников для распространения по школам и детским домам.

Второе издание календаря было подстроено под учебный год, то есть с сентября текущего года по август следующего. На этом опыт с проектом закончился...

Передавая архив отца в Хабаровский краевой архив, я, по просьбе его сотрудников написать об отце, в перечислении оставленного им на земле назвала его книги, с грустью посетовав, что со временем они изнашиваются, ветшают. О переиздании теперь говорить затруднительно. И я не устану благодарить всех, с чьей помощью невозможное стало возможным.

Спасибо вам, Люди!

